

ТРУДЫ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

СЪ 2 ПОРТРЕТАМИ, 9 ЦИНКОГРАФИЧЕСКИМИ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ И 20 ФОТОТИПИЧЕСКИМИ ТАБЛИЦАМИ.

Выпускъ I-й.

ПОДЪ РЕДАКШЕЙ

В. Н. ТРУТОВСКАГО

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА.

МОСКВА

1906

Печатается по распоряжению Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества,
на основаніи § 56 его Устава.

Председатель Графиня Уварова.

Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ,
Арендуемая В. И. Вороновымъ. Моховая, д. кн. Гагарина.

Оглавление 1 выпуска XXI тома.

	СТРАН.
1. Памяти Е. И. В. Великаго Князя Сергѣя Александровича; съ портретомъ.	
2. Д. В. Айдаловъ. Фресковая роспись храма Успенія Богородицы въ Свѣяжскомъ мужскомъ Богородицкомъ монастырѣ; съ 4 рис. въ текстѣ и 3 таблицами	1—38
3. А. И. Слутскій. Архитектурные памятники Соликамска; съ 5 рис. въ текстѣ и 4 таблицами	39—56
4. А. П. Новицкій. Каменный городъ въ Серпуховѣ. Опытъ изслѣдованія. Съ 4 таблицами	57—66
5. Г. К. Вугославскій. Древнехранилище Архангельскаго Епархіальнаго Церковно-Археологическаго Комитета	67—76
6. Онъ-же. Замѣчательный памятникъ древней Смоленской письменности XIV в. и имѣющійся въ немъ рисунокъ символическаго политическаго содержанія	77—88
7. С. О. Долговъ. Архангельская Псалтырь. Съ 9 таблицами	89—94

Протоколы засѣданій Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества за 1903—1904 гг.	1—63
---	------

В. К. Трутовскій. Отчетъ за 1903 — 1904 г., стр. 1 — 15;
Д. И. Багалъй. Записка объ археологическихъ экскурсіяхъ, желательныхъ для XIII-го Археологическаго Съѣзда, стр. 22 — 25;
Правила XIII Археологическаго Съѣзда, стр. 37—40; *гр. П. С. Уварова.* Поѣздка въ Екатеринославль, стр. 40—42; *Д. Н. Анучинъ.* Памяти Н. Е. Бронденбурга, А. И. Маркевича и Теодора Моммзена, стр. 49—50; *проф. М. И. Соголовъ.* Нѣсколько соображеній относительно Археологическаго Словаря, стр. 61—63.

Приложеніе. <i>Д. Н. Анучинъ.</i> Памяти В. И. Сизова; съ портретомъ	1—95
--	------

Фотот. П. Павлова.

Его Императорское Высочество
Великій Князь Сергій Александровичъ.

W. Cady

Памяти В. И. Сизова.

† 19 октября 1904 г.

Д. Н. Анучина.

19 октября 1904 г. скоропостижно скончался одинъ изъ старѣйшихъ сочленовъ И. Моск. Арх. Общ. Владиміръ Ильичъ Сизовъ. Смерть его, повидимому, была безболѣзненна; онъ заснулъ вечеромъ и не проснулся утромъ; на лицѣ умершаго не видно было отпечатка страданій и болѣзни; онъ лежалъ какъ бы спящимъ, съ легкой улыбкой чловѣка, уставшаго отъ жизни и прилегшаго отдохнуть...

Покойный былъ членомъ Археол. Общества съ 1877 г., слѣд. въ теченіе 27 лѣтъ. Онъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты 3 октября 1877 г. и въ дѣйствит. члены съ ноября 1881 г. Мнѣ не привелось быть непосредственнымъ свидѣтелемъ первыхъ лѣтъ его дѣятельности въ Обществѣ. Хотя я былъ избранъ въ дѣйств. члены Общества еще въ 1875 г., т. е. за два года до вступленія въ Общество В. И-ча, но въ 1877—78-мъ и въ началѣ 1879-го года я находился въ заграничной командировкѣ и только съ осени 1879-го года могъ снова принять болѣе близкое участіе въ занятіяхъ Общества. Но изъ протоколовъ засѣданій Общества тѣхъ лѣтъ видно, что покойный, послѣ его избранія въ члены, сталъ почти постоянно бывать въ собраніяхъ Общества, и его имя фигурируетъ въ числѣ наиболѣе усердныхъ ихъ посѣтителей. Въ началѣ 80-хъ годовъ онъ уже принимаетъ дѣятельное участіе въ археологическихъ раскопкахъ и развѣдкахъ, заявляетъ себя неутомимою дѣятельностью по Историческому Музею, выступаетъ часто въ засѣданіяхъ Общества съ собственными докладами и съ замѣчаніями по поводу другихъ рефератовъ, публикуетъ свои труды въ изданіяхъ Общества, а затѣмъ и Имп. Археол. Коммиссіи, проявляетъ вообще страстную любовь къ исторіи искусства, доисторической археологіи, русскимъ древностямъ и неутомимо трудится до конца дней своихъ въ излюбленной имъ отрасли археологическихъ исканій. Общество уже отдало формальный долгъ памяти покойнаго возложеніемъ вѣнка на его гробъ и присутствовало въ лицѣ своихъ представителей на

его отпѣваніи. Но наша нравственная обязанность помянуть его и словомъ, напомнить объ его трудахъ и заслугахъ въ той области вѣдѣнія и распространенія знаній, которая составляетъ и область занятій Общества, и почтить выраженіями благодарности память одного изъ его дѣятельныхъ членовъ, посвятившаго, можно сказать, всю свою жизнь—служенію археологической наукѣ.

В. И. родился въ Москвѣ, въ 1840 г., но еще ребенкомъ переселился со своими родителями въ Крымъ, гдѣ послѣ домашней подготовки поступилъ въ Симферопольскую гимназію. Покойный какъ-то говорилъ мнѣ, что эта гимназія оставила въ немъ пріятную и благодарную память; директоръ гимназіи былъ, повидимому, хороший педагогъ, въ ряду учителей были многіе, пользовавшіеся любовью и уваженіемъ своихъ учениковъ. Крымская война однако вызвала временное закрытіе гимназіи, и воспитанники ея были переведены въ Херсонъ. Окончилъ В. И. свое среднее образованіе уже въ Москвѣ, въ 1-ой гимназіи, откуда и поступилъ въ Моск. университетъ, на историко-филолог. факультетъ. Здѣсь лекціи Буслаева, Соловьева, Тихонравова и другихъ профессоровъ способствовали развитію въ немъ склонности къ изученію исторіи и древностей; тѣмъ не менѣ, по причинамъ, мнѣ неизвѣстнымъ, В. И. не прошелъ этого факультета до конца, а перешелъ на юридическій факультетъ, на которомъ и окончилъ курсъ со званіемъ кандидата правъ. Матерьяльное положеніе его въ это время не было благопріятнымъ; находясь на ист.-фил. факультетѣ, онъ вынужденъ былъ ходатайствовать о казенной стипендіи и получалъ ее въ теченіе двухъ лѣтъ, но затѣмъ, въ виду перехода его на юридич. факультетъ,—какъ я слышалъ отъ вдовы покойнаго—его обязали возратить въ казну полученные имъ деньги, что имъ и было исполнено впоследствии изъ скуднаго своего заработка. Окончивъ курсъ на юридич. факультетѣ, В. И. не утратилъ однако интереса къ исторіи и сталъ стремиться къ тому, чтобы получить мѣсто преподавателя этого предмета. Для этого ему пришлось поступить на педагогическіе курсы, основанные тогда въ Москвѣ для приготовленія преподавателей, при 1-й гимназіи, и на которыхъ онъ слушалъ Тихонравова и другихъ профессоровъ.

По окончаніи педагогич. курсовъ, ему была предложена должность преподавателя въ одной изъ гимназій Моск. Учебн. Округа, но покойному не улыбалась перспектива тянуть учительскую лямку въ одномъ изъ среднерусскихъ провинціальныхъ городовъ. Его тянуло на югъ, гдѣ богаче природа, гдѣ оригинальнѣе населеніе и его бытъ. Онъ выбралъ Кутаисъ, куда и отправился въ качествѣ преподавателя исторіи въ мѣстной гимназіи, получивъ вскорѣ затѣмъ и уроки по тому же предмету въ Кутаисскомъ дворянскомъ женскомъ институтѣ. Здѣсь, въ Кутаисѣ, В. И. провелъ три года, которые не остались, повидимому, безъ вліянія на его дальнѣйшее духовное развитіе. Присматриваясь къ быту и обстановкѣ мѣстнаго населенія Закавказья, къ древностямъ края, его стариннымъ хра-

мамъ, монастырямъ—онъ получилъ усиленный интересъ къ этнографіи и археологіи. Каждое лѣто онъ отправлялся съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей или знакомыхъ въ экскурсіи, верхомъ по горамъ и ущельямъ, добъзжалъ до персидской границы, и его страсть и способность къ рисованію, проявившіеся у него еще въ дѣтствѣ, нашли себѣ здѣсь богатое поле для проявленія. Не получивъ систематической художественной подготовки, В. И. былъ однако страстный художникъ-любитель и это не мало помогало ему въ его археологической практикѣ (онъ зарисовывалъ всегда въ альбомѣ различныя стадіи своихъ раскопокъ), а также дало въ послѣдствіи возможность приложить знанія и способности въ этой области къ потребностямъ художественной обстановки сцены на Имп. театрахъ Москвы и къ дѣятельности въ сферѣ художественной критики.

Какъ ни заинтересовалъ сначала В. И-ча Кутаисъ и его окрестности, однако за три года пребыванія здѣсь покойный успѣлъ достаточно соскучиться по Москвѣ, гдѣ къ тому же устраивалась въ это время (1867 г.) этнографическая выставка. В. И. настолько заинтересовался этой выставкой, что помѣстилъ о ней статью въ одномъ изъ московскихъ органовъ печати; статья эта, оставшаяся мнѣ, впрочемъ, неизвѣстною, была кажется его первымъ печатнымъ произведеніемъ. Переѣхавъ въ Москву, В. И. познакомился со многими представителями педагогическаго міра и при содѣйствіи ихъ поступилъ преподавателемъ исторіи въ Николаевскій женскій институтъ. Здѣсь онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ преподавателемъ исторіи В. И. Поваляевымъ и преподавателемъ русской словесности В. Н. Виноградскимъ, изъ коихъ послѣдній, любитель искусства и читавшій въ педагогическомъ классѣ института исторію искусствъ, оказалъ повидимому, извѣстное вліяніе на дальнѣйшія духовныя стремленія В. И-ча. Кромѣ института В. И. преподавалъ еще въ одной гимназіи и въ Петропавловской школѣ, но съ занятіемъ должности инспектора института В. Як. Стоюнинымъ, сосредоточилъ свою дѣятельность исключительно въ Институтѣ, гдѣ ему было предоставлено большее число уроковъ. Съ В. Я. Стоюнинымъ покойнаго связывала тѣсная дружба, и когда въ 1878 г. Стоюнинъ вынужденъ былъ оставить свою должность, велѣдъ за нимъ въ скоромъ времени вышелъ въ отставку и В. И., а также и нѣкоторые другіе преподаватели (напр. г. Езучевскій). Въ виду того, что къ этому времени за В. И-чемъ насчитывалось уже 15 лѣтъ службы, онъ получилъ пенсію въ размѣрѣ 900 р., которая, вмѣстѣ въ нѣсколькими частными уроками, давала ему возможность существовать. Въ послѣдніе годы своей дѣятельности въ Институтѣ В. И. читалъ въ старшемъ педагогическомъ классѣ курсъ по исторіи искусствъ и занимался составленіемъ картинъ по русской исторіи (изображеній великихъ князей и царей въ костюмахъ соотвѣтственныхъ эпохъ), которые были изданы и скоро разошлись, такъ что въ настоящее время составляютъ библиографическую рѣдкость.

Въ началѣ 80-хъ годовъ В. И-чу открылось новое поприще дѣятельности. Еще до вступленія своего въ члены Археологическаго Общества, онъ получилъ доступъ въ домъ гр. А. С. Уварова, бывалъ и въ Порѣчьѣ, и графъ имѣлъ возможность убѣдиться въ страстной любви молодого человѣка къ исторіи, древностямъ и искусству, а также и въ его способности владѣть карандашемъ и кистью. Совмѣстная дѣятельность въ Археологич. Обществѣ еще болѣе скрѣпила это знакомство, и когда въ маѣ 1881 года графъ былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя и вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ строительной комиссіи Историческаго музея, онъ, нуждаясь въ дѣльномъ, старательномъ и преданномъ ему помощникѣ, пригласилъ В. И-ча, въ качествѣ своего секретаря по Музею. Музей въ то время представлялъ голое зданіе, безъ оконъ, дверей и даже потолковъ, а между тѣмъ нужно было, согласно желанію, выраженному Государемъ Императоромъ Александромъ III, въ два года не только отстроить музей, но и отдѣлать и наполнить десять его залъ. Предстояло и наблюдать за постройкой, и торопить ея окончаніе, и вырабатывать орнаментацию стѣнъ, дверей, оконъ, и заказывать картины художникамъ, и приобрѣтать копии съ древнихъ художественныхъ памятниковъ, и собирать коллекціи древностей для наполненія ими первыхъ залъ Музея. Во всей этой разнообразной дѣятельности В. И. былъ неутомимымъ помощникомъ покойнаго графа. Онъ и за постройкой слѣдилъ, и учитывалъ строительные матеріалы, и велъ сношенія съ художниками, и ѣздилъ въ Херсонъ торговаться съ П. О. Бурачковымъ, уступившимъ Музею свою богатую коллекцію древностей изъ Ольвіи и Керчи, и нашивалъ древности на картоны, и принималъ участіе въ обсужденіи различныхъ деталей по устройству коллекцій и орнаментации залъ. Къ его же содѣйствію обратился графъ Уваровъ, когда выяснилась необходимость собиранія русскихъ доисторическихъ древностей путемъ раскопокъ на мѣстахъ. Въ первый же годъ своего управленія Музеемъ, графъ намѣтилъ раскопки въ Воронежской, Ярославской, Смоленской, Кіевской и Черниговской губерніяхъ и поручилъ ихъ А. И. Кельсіеву, А. К. Ивановскому, В. И. Сизову и В. Б. Антоновичу. В. И-чу досталась Смоленская губернія, и графъ далъ ему подробныя указанія относительно раскопокъ, которыми ему предстояло заняться. Лѣтомъ 1881 г. В. И. отправился въ Гнѣздово близъ Смоленска и здѣсь произвелъ замѣчательныя раскопки, ознакомившія съ обстановкою богатаго погребенія съ трупосожженіемъ великокняжеской эпохи X вѣка. Добытое здѣсь оружіе и другіе предметы, древность которыхъ датируется найденной совмѣстно византійской золотой монетой, составило цѣнную коллекцію, украшающую теперь одну изъ залъ Истор. Музея.

Лѣтомъ слѣдующаго 1882 г. В. И. былъ командированъ графомъ для раскопокъ въ станицу Сѣверскую (въ 50 вер. отъ Екатеринодара, за Кубанью), откуда ранѣе были доставлены въ Музей характерныя золотыя издѣлья. Здѣсь В. И-чемъ были раскопанъ большой курганъ

до 7 саж. высотой, на вершинѣ котораго, въ ямѣ, были найдены казаками каменные гробницы съ золотыми вещами и золот. монетой Перисада II; раскопка показала, что эти гробницы находились въ позднѣйшей присыпкѣ, въ которой были найдены также лошадиныя кости и удила; самый же курганъ оказался болѣе древнимъ и въ основаніи его были найдены окрашенные костяки, очевидно начала бронзовой эпохи. Въ томъ же году В. И-чемъ, при содѣйствіи В. Д. Соколова, продолжались и раскопки кургановъ Смолен. губерніи, куда онъ ѣздилъ и лѣтомъ 1883 г. вмѣстѣ съ гр. Уваровымъ. Лѣтомъ 1884 года В. И. былъ командированъ еще на Донъ для разысканія слѣдовъ Саркела или Бѣлой Вѣжи русскихъ лѣтописцевъ. Изъ Новочеркасска онъ проѣхалъ къ станицѣ Раздорской и вверхъ по Дону до станицы Качалинской, причемъ производилъ пробныя раскопки въ разныхъ мѣстахъ, а не доѣзжая нѣсколько верстъ до станицы Цимлянской нашелъ слѣды обширнаго городища съ высокими валами и остатками толстыхъ кирпичныхъ стѣнъ, причемъ найденныя вещи (черепки посуды, остатки мозаики и т. д.) выказывали извѣстное сходство съ добытыми изъ развалинъ Болгаръ на Волгѣ.

29 дек. 1884 г. скончался гр. Уваровъ и въ засѣданіи Общества 28 февр. 1885 г. В. И. помянулъ рѣчью непродолжительную, но высокоплодотворную дѣятельность покойнаго строителя Историческаго Музея. Какъ извѣстно, гр. Уваровъ составилъ себѣ высокій идеаль дѣятельности этого учрежденія; по его плану музей долженъ былъ быть не только хранилищемъ поступающихъ въ него древностей, но живымъ, научнымъ учрежденіемъ, занимающимся изысканіемъ древностей, описаніемъ и изученіемъ ихъ, распространеніемъ археол. свѣдѣній въ обществѣ. При Музеѣ долженъ былъ издаваться журналъ, устраиваться лекціи, въ него должны были привлекаться молодые люди, окончившіе университетъ, изъ коихъ недостаточнымъ предполагалось даже выдавать стипендіи и т. д. По смерти графа мѣсто его занялъ нашъ маститый ученый, знатокъ русскихъ древностей И. Е. Забѣлинъ, а съ утвержденіемъ штатовъ Музея — его хранителемъ сталъ А. В. Орѣшниковъ, еще ранѣе сблизившійся съ Музеемъ при посредствѣ В. И. Сизова. Самъ В. И. занялъ мѣсто ученаго секретаря, принадлежавшее ему по праву, какъ старѣйшему послѣ графа Уварова дѣятелю музея, исправлявшему секретарскія обязанности еще съ 1881 года.

По кончинѣ графа, занявшая его постъ предсѣдателя въ Арх. Обществѣ, графиня П. С. Уварова поставила скоро на очередь вопросъ объ археолог. изученіи Кавказа и восточныхъ губерній. И тутъ В. И. явился однимъ изъ первыхъ и наиболѣе ревностныхъ работниковъ. Еще ранѣе, лѣтомъ 1884 г., находясь въ Крыму, онъ произвелъ раскопки на древнемъ кладбищѣ у Біа-Сала, въ 10 вер. къ югу отъ Бахчисарая, въ долинѣ р. Качи, кладбищѣ, которое археологи считали готскимъ, но раскопки въ которомъ показали, что оно относится къ гораздо болѣе поздней эпохѣ и, повидимому, заключаетъ въ себѣ могилы грековъ,

въ эпоху ихъ переселенія сюда по завоеваніи Крыма. Черепа изъ этихъ могилъ любопытны однако по выказываемымъ ими явнымъ признакамъ искусственной деформаци и по сохранившимся на нихъ, въ волосахъ, бронзовымъ украшениямъ, въ видѣ цѣпочекъ и привѣсокъ. Лѣтомъ 1886 г. В. И. былъ командированъ Арх. Обществомъ, одновременно съ Н. В. Никитинымъ, для археол. изслѣдованій на Кавказъ; онъ проѣхалъ по Черноморскому побережью отъ Новороссійска до Сухума и по Кубанской области, причѣмъ произвелъ раскопки въ двухъ мѣстахъ близъ Сухума и около станицы Натухайской. Около Сухума имъ были найдены въ одномъ мѣстѣ слѣды греческой культуры начала нашей эры, а въ другомъ— грузинскія древности XIII вѣка; около Натухайской станицы имъ былъ раскопанъ курганъ, давшій украшенія изъ серебра и монеты Узбека и Джанибека XIV в. Обслѣдованы были также нѣкоторые другіе могильники и два дольмена. Результаты этихъ развѣдокъ и раскопокъ дали матерьялъ для нѣсколькихъ сообщеній въ Арх. Обществѣ, а затѣмъ были обработаны В. И.-чемъ въ большомъ трудѣ, составившемъ 2-й выпускъ Матерьяловъ по археологіи Кавказа (178 стр., съ 26 табл. и 56 рис. въ текстѣ), изд. въ 1889 г. Весною того же года В. И. произвелъ раскопку городища близъ Моршанска, у дер. Михайловки, гдѣ оказалось похоронное поле, сходное по найденнымъ вещамъ съ муромскими могильниками IX—X вѣковъ. Въ апрѣлѣ 1887 г. В. И. демонстрировалъ въ засѣданіи Общества коллекцію любопытныхъ древностей, поступившихъ въ Истор. музей изъ раскопокъ Скорняковскихъ кургановъ, Задонскаго у. Воронеж. губ., и заключающую въ себѣ отлично оббитые кремневые наконечники стрѣлъ вмѣстѣ съ плоскими, кованными, бронзовыми наконечниками копій, оригинальными сосудами и т. д., найденные въ могилахъ ниже материка, прикрытыхъ деревянными шатрами и относящихся, очевидно, къ отдаленной эпохѣ начала бронзоваго вѣка. Зимою того же года В. И. прочиталъ докладъ М. М. Ковалевскаго объ его археол. изысканіяхъ на Кавказѣ. Въ послѣдующіе годы В. И. выступалъ нерѣдко въ Обществѣ съ докладами о раскопкахъ другихъ лицъ и о новыхъ интересныхъ коллекціяхъ, поступавшихъ въ Истор. Музей.

Въ 1888 г. В. И. вошелъ въ Общество съ представленіемъ о желательности продолжать раскопки около стан. Цимлянкой въ Донской области и въ юртахъ станицъ Раевской и Натухайской—Кубанской области. Въ этомъ предложеніи сказалась одна изъ характерныхъ чертъ археол. дѣятельности покойнаго. Онъ признавалъ недостаточнымъ довольствоваться бѣглыми, однократными раскопками извѣстнаго могильника или городища; онъ раздѣлялъ мнѣніе, что если извѣстная мѣстность указываетъ на возможность значительныхъ археологическихъ въ ней находокъ, относящихся къ продолжительной эпохѣ, необходимо систематическое ея изслѣдованіе въ теченіе ряда лѣтъ. Такъ онъ относился къ изслѣдованію смоленскихъ кургановъ, въ которыхъ производилъ раскопки, съ перерывами, въ теченіе 6 или

7 лѣтъ, такъ онъ ѣздилъ четыре раза на раскопки Дьякова городища, два раза въ Кубан. область и т. д. Лѣтомъ 1888 года онъ отправился вторично для изслѣдованія городища, находящагося въ 4 вер. отъ станицы Раевской, и убѣдился, что культурные остатки его относятся къ варварской эпохѣ около начала нашей эры, когда данная мѣстность находилась подъ вліяніемъ греческой культуры. Найдено было оружіе позднѣйшаго скийскаго характера, амфоры съ клеймами, много мелкихъ сосудовъ и т. д. Въ эту же поѣздку имъ были открыты могильникъ XIII—XIV вѣковъ съ костяками въ дубовыхъ колодахъ, съ длинными жел. саблями и полушаровидными жел. шлемами, съ фрагментами стеклян. сосудовъ, съ лошадиными костями и т. д. Въ томъ же году, въ засѣданіи Общества 25 ноября 1888 г., покойный далъ интересный комментарий къ сообщенію гр. Ѳ. А. Уварова объ его раскопкахъ Курманскаго могильника, Касимов. у. Рязан. губ., на прав. берегу р. Оки, указавъ на присутствіе среди вещей серебряныхъ фибулъ римско-провинціального типа и оригинальной формы желѣзнаго наконечника копья, — свидѣтельствующихъ о значительной древности этого финскаго могильника, относящагося къ эпохѣ VI—VIII вв.

Въ 1889 г. весной и осенью В. И. производилъ раскопки въ Дьяковомъ городищѣ, близъ с. Коломенскаго, подъ Москвой и демонстрировалъ въ обществѣ коллекцію древностей, присланную на выставку VIII Моск. арх. съѣзда изъ Донской области г. Поповымъ, причемъ обратилъ особенное вниманіе на скийска и греческа древности, въ томъ числѣ на терракотовую голову быка, относящуюся повидимому, къ весьма отдаленной эпохѣ, за 5—6 вѣковъ до начала нашей эры. Въ началѣ 1890 г. В. И. принималъ участіе въ занятіяхъ VIII Московскаго археол. съѣзда, а лѣтомъ того же года снова отправился въ Смоленск. губ. для раскопокъ кургановъ въ Духовщинскомъ у., по рр. Царевичу и Хмости. Здѣсь въ курганахъ первой группы имъ былъ констатированъ обрядъ трупосожженія, относящійся, судя по найденному диргею, къ X вѣку, а въ курганахъ второй группы найденъ былъ обрядъ погребенія, который, судя по оказавшимся монетамъ VIII в., былъ въ данной мѣстности болѣе древнимъ. Изъ Духовщинскаго у. раскопки были перенесены въ Краснинскій уѣздъ, затѣмъ въ Могилевск. губ., по теченію р. Осуги, и продолжены вплоть до Гомеля. Всего былъ раскопанъ 61 курганъ съ остатками то погребенія, то трупосожженія. Изъ найденныхъ вещей особенное вниманіе В. И. обратили на себя семилепестныя височныя подвѣски, аналогичныя московскимъ курганнымъ, но иного типа, указывавшія однако, по мнѣнію покойнаго, что распространеніе означенныхъ подвѣсокъ шло у насъ съ запада, вмѣстѣ со славянской колонизаціей. Въ томъ же году В. И. продолжалъ раскопку Дьякова городища и занимался, вмѣстѣ съ гг. Линниченко и Янчукомъ, выработкой программы археолог. изслѣдованій въ Западномъ краѣ.

Въ 1891 г., въ виду предстоящаго въ Вильнѣ IX археол.

сѣзда, В. П. взялъ на себя отъ комитета сѣзда порученіе произвести раскопку извѣстнаго Люцинскаго могильника въ Витебск. губ., уже обследованнаго по порученію И. Археол. Комиссіи г. Романовымъ. Раскопки В. И-ча были произведены на т. наз. Комаровой горѣ, гдѣ найдено похоронное поле, аналогичное Курманскому и Моршанскимъ могильникамъ. Всего было открыто около 40 костяковъ, лежавшихъ въ направленіи съ В. на З.: женскіе съ характернымъ головнымъ уборомъ, мужскіе съ бронзовыми браслетами и гривнами. Всего В. И-чемъ было вывезено изъ этой поѣздки до 8 пудовъ вещей, общій характеръ коихъ указывалъ на сходство съ культурой древняго могильника ливовъ въ Ашеранденѣ, Лифл. губ.

Въ 1892 г. В. И. познакомилъ Арх. Общество съ первыми раскопками въ долинѣ р. Оки В. А. Городцова, заявившаго себя впоследствии такимъ страстнымъ, неутомимымъ и обстоятельнымъ археологомъ, съ трудами по археологіи Волынск. губ. г-на Гамченко, съ находками въ курганахъ Бронницкаго у., Моск. губ. покойнаго А. Я. Кожевникова; въ томъ же году В. М., по просьбѣ покойнаго А. П. Богданова, принялъ на себя обязанность предсѣдателя секціи кургановъ и городищъ на бывшемъ осенью того года въ Москвѣ международномъ археол. конгрессѣ, и при содѣйствіи г. Русакова приготовилъ для выставки при конгрессѣ замѣчательную серію художественно исполненныхъ моделей кургановъ, поступившую потомъ въ Историч. музей и составившую одно изъ цѣнныхъ приобрѣтеній послѣдняго. Объ этой серіи моделей покойный дѣлалъ докладъ на конгрессѣ и неоднократно объяснялъ ее посѣтителемъ выставки.

Весною 1893 г. В. И. снова занимался, на средства, отпущенныя Обществомъ, раскопками Дьякова городища, а осенью принялъ участіе въ занятіяхъ IX Виленскаго археол. сѣзда, на которомъ сдѣлалъ обстоятельное сообщеніе, на основаніи раскопокъ прежнихъ изслѣдователей и собственныхъ, о древностяхъ означеннаго городища. Это сообщеніе его, иллюстрированное 8 таблицами, отпечатано во II томѣ «Трудовъ» Виленск. сѣзда. Въ томъ же году онъ произвелъ, вмѣстѣ съ проф. А. Я. Кожевниковымъ, раскопку кургановъ въ имѣньи послѣдняго, въ Бронницкомъ у., и сообщилъ Обществу о раскопкахъ г. Фетисова въ Токмакскомъ у., Семирѣчен. области. Въ слѣдующемъ 1894 г. онъ докладывалъ Обществу рефераты Бугославскаго, Криштафовича, Люба-Радзиминскаго, Пича, сообщилъ о коллекціи г. Засимовича, а лѣтомъ снова занимался раскопками Смолен. кургановъ по порученію И. Археол. Комиссіи. Въ январѣ 1895 г. В. И. сдѣлалъ сообщеніе о раскопкахъ В. А. Городцева на мѣстѣ одной доисторической стоянки въ долинѣ р. Оки, лѣтомъ производилъ раскопки въ с. Спасъ-Тушино, подъ Москвой, а осенью сдѣлалъ въ Обществѣ интересное сообщеніе о характерѣ художественнаго стиля височныхъ колець изъ кургановъ Моск. и Смолен. губ. Приписывая этимъ кольцамъ-подвѣскамъ

арабское происхожденіе и относя ихъ первое появленіе на почвѣ Россіи къ X вѣку, В. И. показалъ, какъ этотъ видъ украшеній измѣнился у насъ съ теченіемъ времени и съ распространеніемъ съ З. на В., откуда наконецъ не принялъ формы извѣстной семилепестной височной подвѣски, столь характерной для кургановъ Моск. губ. XI—XII вв. Лѣтомъ того же 1895-го года В. И. отправился, по приглашенію Предвод. Комитета X-го рижскаго Археол. съѣзда, для археол. разысканій въ Прибалтійскій край. Но по дорогѣ туда онъ не утерпѣлъ, чтобы не заѣхать еще разъ въ Гнѣздово, гдѣ, вмѣстѣ съ Ю. Н. Сперанскимъ, вскрылъ 45 кургановъ съ остатками трупосожженій и пополнилъ ранѣ собранную имъ коллекцію курганныхъ древностей нѣсколькими новыми типами фибулъ, пряжекъ, медальоновъ и т. д., а также бронзовой монетой Льва Мудраго († 913). Въ Прибалтійскомъ краѣ В. И. произвелъ развѣдки въ двухъ могильникахъ къ Ю. отъ Митавы, по теченію р. Аа, но особенно занялся раскопками могильниковъ въ Пассельнѣ (въ 55 вер. отъ г. Виндавы), и въ Хазавѣ, гдѣ найдена была масса вещей, въ томъ числѣ желѣзн. шлемы, мечи, боевыя сѣкиры, наконечники копій, удила, шпоры, стремяна, косы, серпы, ножи, огнивы, бронзовые вѣски, гривны, браслеты, перстни, фибулы, кресты и сер. монеты XIII—XIV вв.

Ранней весною 1896 г., когда Обществомъ было получено извѣстіе о находкѣ въ одной пещерѣ близъ Кутайса фресокъ на ея стѣнахъ, В. И. вызвался охотно поѣхать для обследованія этой пещеры. Къ сожалѣнію, пещера оказалась простою сталактитовою, безъ всякаго слѣда фресокъ; между тѣмъ поѣздка эта была очень утомительною; пришлось, вслѣдствіе бури, носиться нѣсколько лишнихъ дней по морю и затѣмъ развѣзжаты въ сырую и ненастную погоду въ горахъ. Осенью того же года В. И. явился на съѣздъ въ Ригу, гдѣ демонстрировалъ и комментировалъ свои находки въ могильникѣ Пассельна. По окончаніи съѣзда онъ отправился, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими членами, по приглашенію проф. Бенценбергера, въ Кёнигсбергъ, Данцигъ и другіе города Вост. и Зап. Пруссіи для ознакомленія съ тамошними музеями и древностями. Заграничная поѣздка эта была не единственною въ жизни В. И-ча. Онъ ѣздилъ за-границу нѣсколько разъ, посѣщалъ Италію, изучалъ ея художественные памятники и музеи (между прочимъ и въ Равеннѣ), былъ знакомъ съ музеями Парижа, Лондона, Германіи и особенно присматривался къ Прибалтійскимъ древностямъ, разбросаннымъ по музеямъ Копенгагена и различныхъ городовъ сѣверной Пруссіи.

Въ 1897 г., въ засѣданіи Общества 21 сентября, В. И. прочиталъ очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго секретаря, затѣмъ товарища предсѣдателя Общества В. Е. Румянцева, а въ другомъ засѣданіи сдѣлалъ интересное сообщеніе о древнемъ желѣзномъ топорикѣ изъ коллекцій Историческаго музея. Это сообщеніе, напечатанное въ «Археол. Извѣстіяхъ» того же года (съ таблицей и

28 рис. въ текстѣ), можетъ быть признано образцовымъ по обстоятельности изученія всѣхъ деталей описываемаго предмета и много-различнымъ сопоставленіямъ, которыми воспользовался авторъ для выясненія художественныхъ мотивовъ орнаментаціи даннаго топорика.

Въ 1899 г. на XI археол. съѣздѣ въ Кіевѣ В. И. сдѣлалъ сообщеніе о «длинныхъ курганахъ въ Смолен. губ.», встрѣченныхъ имъ по теченію верхняго Днѣпра и р. Вопи, имѣющихъ до 40 арш. въ длину при высотѣ $2\frac{1}{2}$ —3 арш. и заключающихъ въ себѣ остатки трупосоженія. Найденные въ этихъ курганахъ предметы (костяныя фигурки лебедей, характерныя бусы, грубые черепки, бронзовые сосуды, украшенія съ эмалью) указываютъ, по мнѣнію покойнаго, на значительную древность этихъ могилъ, не позже VII—VIII вв., а сравнительная малочисленность такихъ кургановъ—на непродолжительность пребыванія здѣсь насыпавшей ихъ народности. Подробное описаніе этихъ могилъ В. И. думалъ включить въ свою монографію Смоленскихъ кургановъ,—въ «Матерьялахъ по археологіи Россіи», изд. И. Археол. Коммиссіей. 1-ый выпускъ этой монографіи, заключающій въ себѣ результаты изслѣдованій Гнѣздовскаго могильника близъ Смоленска, вышелъ въ 1902 г. (134 стр. 4°, съ 14 табл. и 101 рис. въ текстѣ). О значеніи этой работы можно судить уже по тому, что она основана на данныхъ раскопокъ около 500 кургановъ и что при сравнительномъ изученіи этихъ данныхъ авторъ широко пользовался какъ результатами изслѣдованій другихъ кургановъ, въ той же и сосѣднихъ губерніяхъ, такъ и богатымъ запасомъ собственныхъ наблюденій, добытыхъ при разныхъ раскопкахъ и при изученіи многочисленныхъ коллекцій курганныхъ древностей въ Историческомъ музеѣ. Покончивъ съ 1-мъ выпускомъ своего обширнаго труда, В. И. принялся за подготовку 2-го выпуска, для котораго были уже исполнены таблицы и собраны матерьялы для текста, но судьба рѣшила иначе, и этому важному археологическому труду суждено остаться незаконченнымъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что немногія группы русскихъ кургановъ были изслѣдованы такъ обстоятельно, какъ эта, и что В. И. унесъ съ собою въ могилу массу наблюденій, которыя едва ли возможно возстановить по его отрывочнымъ замѣткамъ.

До сихъ поръ я говорилъ о дѣятельности В. И. въ области изслѣдованія доисторическихъ и курганныхъ древностей. Но онъ обладалъ и богатыми свѣдѣніями по исторіи искусства, по русскимъ историческимъ древностямъ, по церковному искусству и иконографіи, и всегда готовъ былъ идти на призывъ Арх. Общ., когда требовалось его содѣйствіе въ разъясненіи вопросовъ, относящихся до этихъ областей вѣдѣнія. Такъ, еще въ 1889 г. онъ участвовалъ въ коммисіи, осматривавшей Моск. Архангел. соборъ, съ середины же 90-хъ годовъ онъ становится дѣятельнымъ членомъ Коммисіи по сохраненію древнихъ памятниковъ. Такъ, въ 1894 г. ему было поручено наблюденіе за реставраціей иконъ въ церкви Чудова монастыря; вмѣстѣ съ А. М. Павлиновымъ онъ наблюдалъ за реставра-

цей иконъ въ Успенскомъ соборѣ и вошелъ по этому поводу въ Общество съ докладомъ о неудовлетворительномъ по его мнѣнію способѣ реставраціи иконъ г. Умецкаго; вмѣстѣ съ г. Оберомъ онъ осматривалъ старинную живопись Богородице-Рождествен. церкви на Бутыркахъ. Въ 1895 г. онъ ѣздилъ два раза, по порученію Комм. по сохран. древн. пам., въ Ярославль для наблюденія за реставраціей стѣнописи въ храмѣ Никола-Мокраго. Въ 1898 г. Коммиссія поручила В. И. осмотръ иконостаса и стѣнописи въ соборѣ муж. Высоцкаго монастыря въ г. Серпуховѣ; въ томъ же году онъ докладывалъ о реставраціи иконъ въ соборѣ Измаиловской богадѣльни и принималъ участіе въ осмотрѣ иконописи въ Алексѣевской въ Глиницахъ церкви. Въ 1899 г. онъ докладывалъ объ осмотрѣ иконъ въ ц. Бориса и Глѣба на Поварской, Космо-Демьянской церкви въ Кадашахъ, церкви Вознесенья въ Таганкѣ, участвовалъ въ осмотрѣ Покровскаго Василия Блаженнаго собора, получилъ приглашеніе отъ Коммиссіи осмотрѣть храмъ въ Туническомъ мон., Мстиславскаго у. Въ этомъ же году онъ былъ приглашенъ въ качествѣ представителя отъ Общества къ наблюденію за реставраціей стѣнописи въ соборѣ Новодѣвичьяго монастыря, и въ засѣданіи Коммиссіи 27 мая 1900 г. имъ были изложены основанія, принятыя при этой реставраціи, которыя и получили одобреніе Коммиссіи. Въ 1901 г. онъ докладывалъ о фрескахъ, найденныхъ въ соборѣ Троицкой Лавры, которыя были затѣмъ осмотрѣны Коммиссіей, поручившей В. И.-чу (совмѣстно съ В. Н. Щепкинымъ и А. М. Васнецовымъ) наблюденіе за ихъ реставраціей, равно какъ и наблюденіе за производившейся въ томъ же 1902-мъ году реставраціей стѣнописи въ соборѣ Чудова монастыря. Я не останавливаюсь подробно на этой сторонѣ дѣятельности покойнаго въ Обществѣ, такъ какъ она мнѣ менѣе извѣстна, и я могу судить о ней, главнымъ образомъ, только по протоколамъ засѣданій Комм. по сохр. др. пам., но уже сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что и въ этомъ отношеніи В. И. былъ дѣятельнымъ работникомъ. Напомню еще, что онъ неоднократно избирался Обществомъ въ члены Ревизіонной Коммиссіи и вообще охотно жертвовалъ трудомъ и временемъ для цѣлей Общества, когда въ томъ оказывалась надобность.

Но еще болѣе потрудился В. И. для Историческаго Музея. Въ первое время, въ началѣ 80-хъ годовъ, онъ ѣздилъ по порученіямъ Музея на раскопки, хлопоталъ по постройкѣ зданія, по заказу слѣшковъ, моделей, картинъ, по приобрѣтенію, размѣщенію и обозначенію коллекцій, составлялъ каталогъ предметамъ; затѣмъ на его обязанности лежало веденіе инвентарныхъ книгъ и составленіе ежегодныхъ отчетовъ по приобрѣтенію коллекцій древностей, отдѣльные предметы которыхъ требовали внимательнаго осмотра и тщательнаго описанія. Ему приходились вести непосредственныя и письменныя сношенія со многими лицами, быть чичероне для разныхъ иностранцевъ и ученыхъ, осматривавшихъ музей или нуждавшихся въ

справкахъ по тѣмъ или инымъ древностямъ; онъ же объяснялъ коллекціи Музея многимъ другимъ посѣтителямъ, членамъ разныхъ свѣздовъ, воспитанникамъ училищъ, группамъ экскурсантовъ и т. д. Свѣдѣнія и опытность покойнаго въ области археологіи и исторіи искусства вызывали неоднократно приглашеніе его, въ качествѣ свѣдущаго лица, для участія въ ревизіи Оружейной Палаты, устройствѣ разныхъ выставокъ и т. п.; они же послужили основаніемъ къ приглашенію его въ качествѣ лектора на драматическіе курсы при Театральномъ училищѣ, гдѣ въ теченіе 16 лѣтъ онъ читалъ лекціи по исторіи бытовой культуры и костюма. Въ началѣ 1900-хъ годовъ онъ былъ приглашенъ также директоромъ Импер. театровъ, г. Теляковскимъ, въ качествѣ художника-консультанта по обстановкѣ историческихъ пьесъ и оперъ на Импер. Моск. театрахъ, и работалъ въ этой должности три года, отдавая ей массу труда и времени. Чтобы понять всю трудность и сложность этой должности, достаточно сказать, что для какой-нибудь историч. пьесы нужно было указать подробно требуемые костюмы для всѣхъ персонажей, а также и всѣ предметы обстановки, и не только указать, а и нарисовать, выбрать матерьялъ, объяснить всѣ подробности шиванія, надѣванія и т. п. Какъ добросовѣстно относился покойный къ принятымъ имъ на себя обязанностямъ, видно напр., изъ того, что когда возникъ вопросъ о новой постановкѣ «Жизни за царя», В. И., несмотря на свои старые годы, рѣшился поискать новыхъ матерьяловъ на родинѣ Сусанина, въ Костромской губ. и отправился туда, лѣтомъ нынѣшняго года, на собственный счетъ, трясся тамъ на телегѣ подъ дождемъ по проселочнымъ дорогамъ, посѣщалъ разные села и деревни, вслуду зарисовывая характеръ построекъ, мотивы орнамента, сохранившіеся старые костюмы и т. д., и былъ очень доволенъ, что ему удалось добыть кое-что новое и полезное для его цѣлей. Какъ знатокъ искусства и любитель-художникъ В. И. внушалъ къ себѣ симпатіи со стороны многихъ извѣстныхъ нашихъ художниковъ, охотно съ нимъ бесѣдовавшихъ по вопросамъ искусства и, какъ Верещагинъ, Семирадскій, Левитанъ—дарившихъ ему на память свои этюды. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ состоялъ также сотрудникомъ «Рус. Вѣдомостей»—по части описанія художественныхъ и археологическихъ выставокъ и по другимъ текущимъ явленіямъ въ жизни русскаго искусства.

Характерною особенностью покойнаго была его необыкновенная отзывчивость, можно сказать горячность, страстность ко всѣмъ интересовавшимъ его фактамъ въ области древностей и русскаго искусства. Всякій, кто видалъ его на расконкахъ и археологич. экскурсіяхъ, кто былъ свидѣтелемъ его восторга при открытіи какого-нибудь новаго и интереснаго памятника древности конечно подтвердитъ мои слова. Для него ничего не значило отправиться куда-нибудь за тысячу верстъ въ надеждѣ сдѣлать тамъ цѣнные археологическія или художественныя находки, для него не было высшего наслажденія какъ разыскивать остатки старины, проникать

въ ихъ культурно-историческій смыслъ, любоваться памятниками искусства. Года полтора тому назадъ я сообщилъ ему, что въ Кремлѣ, у Спасскихъ воротъ, при проложеніи канавы для какихъ то трубъ, найдены каменные гробницы; В. И. сильно заинтересовался, захватилъ альбомъ, карандашъ, измѣрит. ленту, и мы туда отправились, причемъ онъ немедленно спустился въ канаву, сталъ разпрашивать рабочихъ, принялся обмѣрять, рисовать, искать какихъ-нибудь остатковъ—и вернулся удовлетворенный своей развѣдкой. Нынѣшнимъ лѣтомъ, живя неподалеку отъ него близъ ст. Удѣльной М. Каз. ж. д., я сообщилъ ему, между прочимъ, что проф. А. П. Павловъ обратилъ какъ-то мое вниманіе на одинъ старинный каменный крестъ съ какой-то надписью, находящійся въ д. Сельцѣ у одной изъ старицъ р. Москвы, близъ Рязанскаго шоссе и большой дер. Островца. Такъ какъ эта мѣстность находилась въ какихъ-нибудь 5—6 верстахъ отъ Удѣльной, то В. И. очень ею заинтересовался и уговорилъ меня поѣхать туда вмѣстѣ, захвативъ съ собой бумаги для муляжа. Отыскавъ крестъ оказавшійся уже по своей формѣ несомнѣнно древнимъ надгробнымъ памятникомъ, В. И. былъ крайне обрадованъ находкой, зарисовалъ крестъ съ двухъ сторонъ, и мы порядочно повозились надъ муляжемъ надписи, которая, хотя не содержитъ года и не указываетъ на общественное положеніе погребеннаго лица (какого то Севастьянова), однако по характеру вязи относится, по словамъ В. Н. Щепкина, ко времени ранѣе Ивана Грознаго, къ XV вѣку. По рассказамъ крестьянъ крестъ этотъ находился первоначально ниже, на берегу старицы, а такъ какъ онъ отъ времени упалъ, то его перенесли выше на горку. Старики передавали, что они слышали отъ отцовъ, будто ранѣе туда была дорога и мостъ (или бродъ) черезъ рѣку, которая текла, повидимому, на мѣстѣ нынѣшней старицы. На противоположномъ берегу Москвы рѣки здѣсь возвышается высокій Боровской курганъ, очевидно — городище, покрытое теперь лѣсомъ. Никакого кладбища вблизи креста нѣтъ, и онъ былъ поставленъ, очевидно, надъ могилой какого-то знатнаго или выдающагося чело-вѣка, погребеннаго особо, у дороги, и притомъ съ поставленіемъ надъ нимъ незауряднаго памятника, въ видѣ большой плиты и фигурно обтесаннаго, орнаментированнаго и снабженнаго надписью креста.—Въ это же лѣто, узнавъ отъ меня, что въ участкѣ занимаемой мной дачи есть нѣсколько поросшихъ довольно крупными деревьями кургановъ, В. И. заинтересовался и ими и рѣшилъ непременно ихъ раскопать съ согласія арендатора земли, но усиленные занятія въ театрѣ по случаю новой постановки «Жизни за царя» помѣшали ему привести это намѣреніе въ исполненіе.

Въ послѣднее время В. И. начиналъ однако уставать—въ особенности отъ работы въ театрѣ. Хотя его занятія здѣсь сравнительно хорошо оплачивались, но онъ говорилъ мнѣ, что хочетъ ихъ оставить для того, чтобы имѣть болѣе покоя и досуга для намѣ-

ченныхъ имъ научныхъ работъ. Предстояло закончить описаніе Смоленскихъ кургановъ, затѣмъ онъ имѣлъ въ виду написать статью о миниатюрахъ извѣстной Кенигсбергской лѣтописи, хранящейся въ Библ. Академіи Наукъ, и имъ уже обстоятельно изученныхъ; далѣе онъ предполагалъ заняться снова компановкой картинъ по русской исторіи, совершенно ихъ переработавъ и приспособивъ къ учебнымъ цѣлямъ. Но всѣ эти и другіе еще планы оказались запоздавшими; 64 года отразились на организмѣ и внезапная смерть положила конецъ разнообразной дѣятельности.

Я уже замѣтилъ, что В. И. былъ не только преподаватель и изслѣдователь, но что онъ былъ и художникъ, не выдающійся, конечно, художникъ-любитель, но, можетъ быть, нѣсколько болѣе, чѣмъ любитель, такъ какъ онъ понималъ искусство, былъ знакомъ съ его исторіей, начиная съ древнѣйшихъ, доисторическихъ временъ, соединялъ умѣнье художника съ знаніемъ археологіи, худож. типовъ и стилей, видовъ орнамента и т. д. вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ истинный художникъ въ душѣ, любящій искусство, способный имъ восторгаться, смотрѣвшій на самую жизнь, какъ художникъ, не искавшій ни достатка, ни протекціи, ни успѣховъ по службѣ, ни знаковъ отличія. Онъ оставался всегда тѣмъ же «непрактичнымъ» человѣкомъ, полагавшимъ цѣль жизни въ томъ, что многіе другіе считаютъ только средствомъ, побочнымъ занятіемъ или удовольствіемъ. Изъ его товарищей по Симферопольской гимназіи нѣкоторые занимаютъ теперь высокіе посты въ администраціи, изъ его товарищей по университету и по начальной учительской дѣятельности нѣкоторые состоятъ теперь въ званіи засл. профессоровъ, заслуж. директоровъ и достигли другого виднаго обществен. положенія. В. И. не умѣлъ достигнуть такого положенія. Онъ трудился сорокъ лѣтъ, былъ и педагогомъ, и ученымъ секретаремъ Истор. музея, работалъ и въ области практической археологіи, и въ чисто научной, и въ художественно-археологической и въ художественно-прикладной,—и оставался до конца тѣмъ же скромнымъ и неутомимымъ труженикомъ, тѣмъ же простымъ добрымъ отзывчивымъ человѣкомъ, готовымъ всегда помочь другимъ, хорошимъ товарищамъ, участливымъ наставникомъ, но мало думавшимъ о себѣ, и относившимся, какъ истинный философъ, ко всѣмъ невздамъ, терніямъ и разочарованіямъ жизни. Умеръ онъ—и не оказалось даже денегъ на похороны, а вдовѣ его предстоитъ жизнь на половинную пенсію въ 450 р. Управление Историч. музея, цѣня дѣятельность покойнаго, вошло, какъ я слышалъ, съ ходатайствомъ объ увеличеніи этой пенсіи, и, надо надѣяться, что ходатайство это будетъ принято во вниманіе. Но я полагалъ бы, что присоединиться къ этому ходатайству, приложивъ къ нему надлежащую мотивировку, могли бы и И. Моск. Арх. Общество и И. Арх. Коммиссія, и театр. вѣдомство. Учрежденія, которымъ посвящена была дѣятельность покойнаго, могли бы сообща позаботиться о томъ, чтобы поставить памятникъ на его могилѣ, и чтобы обезпечить судьбу его вдовы. Люди склонны

скоро забывать отъ нихъ отошедшихъ, они склонны часто помнить второстепенное, забывая о существенномъ. Существенно же быть истинно справедливымъ и благожелательнымъ, не забывать общественной дѣятельности сошедшихъ со сцены работниковъ и отдавать должное ихъ памяти и ихъ близкимъ. Миръ праху твоему, дорогой товарищъ!